

Глава 8

Два маленьких снежка.

Долгий и трудный путь!

С верхнего этажа на нижний, из кухни в гараж.

Наконец, они остановились перед дверью кладовой.

— Уф! Наконец-то дошли!

Низенький и пухленький Линь Сяобао, обнимая такой же низенький и пухленький термос, стоял перед высокой железной дверью.

Большой папа был там, внутри!

Он подошёл и, освободив одну ручонку, вежливо постучал.

— Большой папа, открывай! Мы с папой принесли тебе обед!

Но из кладовой не донеслось ни звука.

Большой папа не отвечал.

Линь Сяобао нахмурился, склонил голову набок и уже собирался приложить ухо к двери, чтобы послушать, что там происходит.

В следующую секунду сверху опустилась большая рука, накрыла его личико и повернула голову обратно.

— Сяобао, у большого папы ведь нет ключей, как он нам откроет?

Линь Цзао, пользуясь случаем, ущипнул его за пухлую щёчку.

— И мы же договаривались с большим папой, что не будем просто так открывать дверь, ты забыл?

— Не забыл, и это не «просто так», — возразил Линь Сяобао с видом праведника. — Сейчас

обед. Если не открыть дверь, как большой папа будет есть?

Линь Цзао хитро прищурился и нарочито сказал:

— Подумай-ка, прояви свою смекалку.

— Хм... — Линь Сяобао склонил голову набок, серьёзно размышляя. — Давай сплющим еду в лепёшку и просунем в щель под дверью!

— Пф-ф...

Линь Цзао не сдержал смеха.

— Почему ты смеёшься надо мной?

— Потому что ты такой милый.

Линь Цзао в последний раз ущипнул его за щёку и протянул ему свой контейнер с едой.

— Но большой папа не любит лепёшки, так что папа придумал кое-что получше. Подержи, а я принесу инструменты.

— Хорошо.

Линь Сяобао, обхватив одной рукой контейнер, а другой держа термос, послушно замер на месте.

Линь Цзао огляделся и, в конце концов, притащил из угла гаража длинную скамью.

Кладовая была небольшой, но не полностью герметичной.

Наружу выходил железный вентилятор, внутрь вела железная дверь, а также имелось маленькое окошко для проветривания.

Вот только стены в их доме были высокими, и окна располагались соответственно.

Линь Цзао поставил скамью под окном, упёрся руками в стену и одним махом взобрался наверх.

Перед Новым годом они делали генеральную уборку, и Фу Чэн всё наверху начисто вытер.

Линь Цзао, стоя у окна, толкнул створку и заглянул внутрь.

— Чэн-гэ, я пришёл!

В кладовой было темновато, к тому же Фу Чэн не включил свет.

Линь Цзао не мог разглядеть, что происходит, лишь смутно видел высокий силуэт, лежащий на кровати, которую они с Сяобао ему постелили.

Мужчина лежал к ним спиной, неподвижный, как гора, и, казалось, спал.

— Чэн-гэ?

Линь Цзао позвал ещё раз, тише, но Фу Чэн по-прежнему не реагировал.

Что ж, после такой долгой и изнурительной дороги, да ещё и с раной от укуса зомби...

Чэн-гэ, должно быть, очень устал.

Пусть спит.

Линь Цзао поджал губы и, приняв решение, больше его не беспокоил.

Линь Сяобао, стоя внизу, высоко задрал голову и изо всех сил тянулся на цыпочках.

Он ничего не видел и потому протяжно спросил:

— Папа, что делает большой папа? Почему он нам не отвечает?

— Большой папа спит, — Линь Цзао обернулся и, приложив указательный палец к губам, прошептал: — Тс-с-с... Давай мы тихонько оставим обед, и всё. Когда большой папа проголодается, он сам поест.

— О-о-о... — Линь Сяобао кивнул и послушно надул губы. — Так достаточно тихо?

Малыш думал, что если сделать рот поменьше, то и голос станет тише.

— Достаточно.

Линь Цзао, держась за стену, спрыгнул со скамьи.

Он подошёл к стеллажу, отыскал моток нейлоновой верёвки и пластиковую корзину.

— Вот этим.

Линь Цзао привязал верёвку к корзине, а затем велел Сяобао положить туда контейнер и термос.

Взяв всё это, он снова взобрался на скамью.

Просунув корзину в окно, он, держась за верёвку, начал медленно её опускать.

Линь Цзао, оперевшись на подоконник, действовал с предельной осторожностью.

Корзина, задевая стену, издавала тихий шорох.

Фу Чэн, лежавший в комнате, словно почувствовав что-то, едва заметно вздрогнул.

Верёвка казалась бесконечной, как и тьма внизу.

Неизвестно, сколько прошло времени, но наконец пластиковая корзина коснулась пола.

Линь Цзао легонько потянул за верёвку, чтобы убедиться, что всё стоит устойчиво, а затем завязал её на оконной ручке.

— Чэн-гэ.

Он позвал его тихо, нежно.

— Я сегодня приготовил тушёную свинину и салат, а ещё сварил тебе таньюань.

Линь Цзао обернулся и поднял Сяобао на руки.

Две круглые головы оказались рядом.

— Салат выбирал Сяобао, и таньюань тоже он бросал в кастрюлю.

Линь Сяобао, устроившись в объятиях папы, помахал ручкой большому папе.

Да, это я!

— Мы сейчас тоже пойдём обедать. Поспим немного, а потом займёмся салатом, который ты привёз. Хочу попробовать вырастить его в воде.

— Когда проголодаешься — поешь. Посуду положи обратно в корзину, мы вечером заберём.

Линь Цзао задумался. Кажется, больше ему нечего было сказать.

— Ну, мы пошли. Сяобао, скажи большому папе «пока».

— Пока, — послушно помахал ручкой Линь Сяобао. — Большой папа, до вечера.

— Пойдём.

Линь Цзао, одной рукой обнимая Сяобао, а другой держась за стену, начал спускаться со скамьи, но оступился и упал.

— А-а!

Услышав его вскрик, Фу Чэн в кладовой резко перевернулся, сел и посмотрел в его сторону.

Но за дверью он ничего не мог видеть.

Он лишь слышал знакомые голоса, доносившиеся из-за стены.

— Сяобао, ты опять вы... вырос.

— Папа, ты хотел сказать, что я потолстел?

— Нет. Ты сейчас растёшь, и я очень рад, что ты становишься больше...

Голоса отца и сына становились всё тише и дальше.

Фу Чэн не выдержал, бросился к двери, спотыкаясь, подбежал и прижался к ней ухом.

Затаив дыхание, он вслушивался.

Это Сяо Цзао и Сяобао!

Его жена! Его сын!

Но в ушах стоял гул.

Кроме удаляющихся шагов, он ничего не слышал.

Фу Чэн опустил руки, уронил голову и, упёршись лбом в холодную сталь двери, беззвучно затрясся.

Да, он вовсе не спал, он притворялся.

Ему было слишком плохо.

Руки и ноги разрывала боль, голова раскалывалась.

Словно сотни, тысячи зомби заполнили эту маленькую комнату.

Они окружали его, нападали, звали к себе.

Когда Сяо Цзао и Сяобао подошли к двери, он не только не узнал их голоса, но и почувствовал дикое желание выломать дверь и наброситься на них.

Он не хотел их пугать, не хотел, чтобы они видели его в таком ужасном состоянии, поэтому и притворился спящим.

Он не хотел забывать Сяо Цзао, не хотел забывать Сяобао.

Но он не знал, что делать.

Он действительно не знал...

Фу Чэн опустил голову, и его взгляд скользнул в сторону.

В следующую секунду розовый контейнер в форме сердца, единственное яркое пятно во мраке, внезапно ворвался в его чёрно-белый мир.

В тумане сознания Фу Чэну показалось, что его жена и сын стоят перед ним, обнимая

контейнер и тепло улыбаясь.

Да! Еда!

Он должен поесть!

Если жена и сын придут вечером забирать посуду и увидят, что он не ел, они расстроятся.

Приняв решение, Фу Чэн, волоча онемевшие ноги, двинулся вперёд.

Он с трудом согнул колени, опустился на корточки, осторожно взял контейнер, прижал его к себе и, несколько раз попытавшись, наконец, открыл его своими непослушными пальцами.

Контейнер был тёплым, а внутри — полная порция еды.

Фу Чэн не мог удержать палочки. Он с силой размял суставы, а затем схватил их, как вилку.

Он наколол кусок горячей тушёной свинины, засунул в рот, перемолол острыми клыками и проглотил.

Свинина была приготовлена прекрасно: Линь Цзао предварительно выварил её, чтобы убрать запах, добавил специи и долго тушил.

Но это было совсем не похоже на горячую человеческую кровь и плоть, которую так любили зомби.

Сейчас Фу Чэн не чувствовал ни вкуса, ни температуры, ни голода.

Но он отчётливо ощущал, как пища проходит через рот, горло, пищевод и опускается в желудок.

Фу Чэн поднял контейнер и зачерпнул ещё несколько ложек риса.

Ароматная, горячая домашняя еда постепенно наполняла его.

И вдруг Фу Чэн ощутил небывалое чувство удовлетворения.

Зомби снаружи были либо без рук и ног, либо с распоротыми животами, из которых вываливались внутренности.

А он был цел. У него был желудок, кишечник, сердце.

У него были жена и сын, и он мог есть еду, которую они ему приготовили.

Фу Чэн, прислонившись к стене, ел обед и левой рукой прижимал ладонь к груди.

Пока его сердце бьётся...

Он счастлив.

Тем временем Линь Цзао и Линь Сяобао поднялись наверх.

Пообедав и немного прибравшись, они отправились в спальню на тихий час.

Хотя это был не совсем тихий час.

Линь Цзао и так проснулся поздно, около десяти.

Пока он ругал Фу Чэна, стелил ему постель и готовил еду...

Всё это отняло немало времени.

Так что, когда они закончили обедать, было уже два или три часа дня.

Линь Цзао с Сяобао не осмелились спать долго.

Они вздремнули всего полчаса и тут же встали.

Линь Цзао поднялся с кровати и шлёпнул Сяобао по попе.

— Сяобао, вставай. Больше спать нельзя, а то вечером...

Не успел он договорить, как Линь Сяобао внезапно открыл глаза и посмотрел на него.

— Хорошо, папа.

Линь Сяобао выбрался из-под одеяла, взял свою курточку и ловко её надел.

Линь Цзао с удивлением посмотрел на него:

— Что это ты сегодня такой послушный? Не валяешься в кровати?

Линь Сяобао надул губы и тихо сказал:

— А я и не спал.

— М?

— Я всё время думал о большом папе.

— Вот как.

— И папа, кажется, тоже не спал? Я чувствовал, как ты всё время ворочался.

— Да.

Линь Цзао вздохнул и погладил его по голове.

— Ничего, мы сейчас пойдём посмотрим на большого папу.

— Правда?

— Конечно, правда, — уверенно заявил Линь Цзао.

— Мы так близко от большого папы, что можем смотреть на него, когда захотим! Когда захотим, тогда и посмотрим! Как захотим, так и посмотрим!

— И вообще, большой папа должен нам показываться, а кому ещё? Правильно?

— Правильно!

Линь Сяобао решительно кивнул и принялся одеваться ещё быстрее.

Надев тёплую одежду и тяжёлую шапку, отец и сын, полностью экипированные, снова спустились к кладовой.

Линь Цзао взобрался на скамью, опёрся на подоконник и заглянул внутрь.

Линь Сяобао, стоя рядом, с тревогой спросил:

— Папа, видишь? Видишь большого папу?

— Эх... — Линь Цзао вздохнул, обернулся и с сожалением сказал: — Большой папа всё ещё спит.

— Всё ещё спит?! — возмутился Линь Сяобао. — Большой папа — соня... большой сонный монстр!

— Эй, эй, эй! — поспешно остановил его Линь Цзао. — Нельзя так говорить про большого папу. Вдруг Ультрамен услышит, подумает, что большой папа — плохой монстр, и заберёт его?

Линь Сяобао опомнился и быстро прикрыл рот рукой:

— Прости, большой папа. Прости, Ультрамен, мой папа — хороший монстр.

— Ну вот, раз объяснил, значит, всё в порядке, Ультрамен услышал.

Линь Цзао, успокаивая его, отвязал нейлоновую верёвку от оконной ручки и вытащил корзину с посудой.

Контейнер и термос, которые они оставили в обед, были пусты. Даже суп от танъюаня был выпит до последней капли.

Линь Цзао улыбнулся и показал пустую посуду Сяобао.

Смотри!

Глаза Линь Сяобао загорелись, он всё понял.

Большой папа проснулся днём и съел всё, что они ему приготовили!

Отец и сын переглянулись и, с гордостью выпрямившись, чуть ли не задрали свои кошачьи хвосты до самого неба.

Спасибо, что понравилось!

Они будут стараться и готовить ещё вкуснее!

Линь Цзао спрыгнул со скамьи:

— Пусть большой папа спит дальше. А мы с тобой будем сажать салат в воде, хорошо?

— Хорошо, — кивнул Линь Сяобао.

Чтобы быть поближе к Фу Чэну, они решили заняться салатом прямо у кладовой.

Линь Сяобао, по указанию папы, нашёл на стеллаже несколько пустых бутылок из-под напитков, отнёс их к крану и вымыл.

Линь Цзао тем временем сходил наверх и принёс салатные кочерыжки, которые они специально оставили, и ножницы.

Он разрезал бутылки пополам, в нижнюю часть налил воды, а верхнюю, открутив крышку, перевернул и вставил внутрь так, чтобы уровень воды был чуть ниже горлышка.

Затем он вставил в горлышко кочерыжку, чтобы она касалась воды, но не была полностью погружена, иначе корни сгниют.

Линь Цзао резал бутылки, а Линь Сяобао выполнял остальные действия.

— Сяобао, давай сделаем побольше, у нас ещё много салата.

— Хорошо!

Отец и сын, сидя на маленьких скамеечках, работали слаженно: один резал, другой вставлял.

Ножницы, разрезая пластик, издавали звук «крак-крак».

Линь Цзао, подхватив ритм, запел:

— «Застенчивая роза тихо расцвела».

— «Медленно раскрываясь, она дарит мне свои чувства».

— «Рука весны перелистывает страницы её ожидания».

— «А я втайне размышляю, стоит ли мне её сорвать».

Нежная мелодия поплыла по гаражу.

Линь Сяобао забыл о работе и, присев рядом с папой, подпёр щеки ладонками и с восхищением смотрел на него.

Фу Чэн тоже забыл, что нужно притворяться спящим. Он встал, подошёл к двери и, прислонившись к ней, сел на пол, тихо слушая его пение.

— «Застенчивая роза тихо расцвела».

— «Медленно сгорая, она скрывает свои чувства».

— «Рука ветерка испытывает её ожидание».

— «А я втайне сомневаюсь, стоит ли...»*

Линь Цзао пел и, кажется, что-то почувствовал. Он поднял голову и посмотрел на дверь кладовой.

Фу Чэн, поджав одну ногу, сидел на полу. Заметив, что песня прекратилась, он тоже обернулся.

Сквозь железную дверь их взгляды встретились.

Лишь когда Линь Сяобао помахал ручкой перед его лицом...

— Папа? Папа!

— М?

Линь Цзао очнулся.

— Что такое?

— Ножницы, опасно! — Линь Сяобао от нетерпения топнул ножкой. — А ты всё витаешь в облаках!

— Прости, что заставил Сяобао волноваться, — Линь Цзао поспешно отложил ножницы и

искренне извинился. — Папа задумался, потому что большой папа тоже задумался.

— Откуда папа знает?

— Потому что... — Линь Цзао сложил два пальца, указал на свои глаза, а затем на дверь, — у папы рентгеновское зрение.

Линь Сяобао покачал головой:

— Не верю.

— У папы и большого папы телепатическая связь.

Линь Сяобао снова покачал головой:

— Тоже не верю.

— Тогда давай проверим.

— Как?

— Смотри.

Линь Цзао отдал разрезанную бутылку Сяобао и тихонько встал.

Он замедлил шаг и на цыпочках пошёл к кладовой.

Когда до двери оставался всего один шаг, Линь Цзао резко ускорился, вскочил на скамью, опёрся на подоконник и взобрался наверх.

— Привет! Чэн-гэ!

Линь Цзао высунул голову из окошка, широко улыбаясь и показывая восемь белоснежных зубов.

— Я так и знал, что ты втайне слушаешь, как я пою...

Но в этот самый момент Фу Чэн вернулся на кровать и снова лёг, отвернувшись к стене.

Увидев, что Фу Чэн всё ещё «спит» в той же позе, улыбка на лице Линь Цзао мгновенно погасла.

Он моргнул, скрывая разочарование.

Что ж, он ошибся.

Чэн-гэ вовсе не просыпался и не слушал его пение.

Линь Цзао шмыгнул носом, опустил голову и молча слез.

Линь Сяобао с надеждой посмотрел на него:

— Ну как? Папа, большой папа проснулся?

— Ещё... нет, — Линь Цзао поджал губы и объяснил: — Он часто так долго спит. Раньше, когда... тебя ещё не было, он ездил в дальние рейсы, и когда возвращался, мог спать целыми сутками... два-три дня, и его было не добудиться...

С каждым словом голос Линь Цзао становился всё тише.

Казалось, он успокаивал не столько Сяобао, сколько самого себя.

Линь Цзао взял себя в руки и, взяв Сяобао за руку, сказал:

— Пойдём, обработаем оставшийся салат.

— Ладно.

Отец и сын поднялись наверх, достали из ящика весь салат, поставили его в большой таз.

Налив немного воды, чтобы она покрывала дно и доходила до корней, Линь Цзао сказал:

— Всё, теперь этот салат будет сам пить воду. Завтра посмотрим, и он станет свежим.

— Правда?

Линь Сяобао присел на корточки у таза, разглядывая салат со всех сторон, и решил завести «Дневник роста салата-латука».

Линь Цзао оставил его наблюдать, а сам, немного прибравшись, пошёл готовить ужин.

Тушёная свинина с обеда ещё осталась, почти половина, так что на ужин им хватит.

Оставалось только сварить рис, пожарить что-нибудь и сварить суп.

Линь Цзао нарезал грибы и приготовил жареные грибы.

Затем замочил немного сушёных водорослей, добавил горсть креветок и сварил суп из водорослей с креветками.

Грибы получились нежными, а суп — ароматным и сладковатым. Всё было очень вкусно.

Он снова упаковал всё в контейнер и термос и отнёс вниз Фу Чэну.

Но когда они спустились, Фу Чэн всё ещё спал!

— Чёрт...

Линь Цзао, стоя у окна, стиснул зубы и, наконец, не сдержавшись, тихо выругался.

— Вот тебе и муж, целый день ни слова не скажет, и лица не покажет. Соня, чёртов, как же он меня бесит.

Линь Сяобао услышал и тут же напомнил:

— Папа, нельзя ругать большого папу, его заберут.

— Знаю, — Линь Цзао надул щёки и сердито сказал: — Пойдём, Сяобао, наверх, ужинать. Больше к нему не придём. Только и делает, что спит!

В кладовой Фу Чэн, лежа спиной к ним, услышал его обиженные слова и не смог сдержать тихий смешок.

Да, он не спал, но боялся показаться жене и сыну.

Он бесит, он чёрт, он соня.

<http://bllate.org/book/16977/1582173>